

Задания для 9-11 классов

Муниципальный этап олимпиады для учеников 9-11 класса состоит из **одного аналитического задания** (с опорой на предложенные направления для анализа; время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **одного творческого задания** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (5 астрономических часов) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. **Максимальный общий балл за работу – 100 баллов** (аналитическое задание – 70 баллов, творческое задание – 30 баллов).

9 класс

Аналитическое задание. Участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. **Выбор типа текста – право ученика.**

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения Юрия Левитанского «Откуда вы приходите, слова?..», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: изобразительные приемы и средства, при помощи которых созданы центральный образ и картина зимы, соотнесение мира природы и мира человека, сочетание свойств пейзажной лирики и лирики мысли, особенности строфической и синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Откуда вы приходите, слова?

Откуда вы приходите, слова,
исполненные доброго доверья?
По-моему, оттуда, где трава.
По-моему, оттуда, где деревья.
Нам переходы света и теней
за древними лесными деревьями
покажутся резными теремами,
возникшими из света и теней.
А дальше будет глуше и темней,
и тропка лисья станет неприметной.
Она и вправду стала неприметной,
а все-таки давай пойдём по ней,
пойдем на ощупь,
ветки раздвигая.
Эге-ге-гей! Ну где же вы, слова?
«Слова, слова!..» —
вздыхают робко листья,
и тропка поворачивает лисья

туда, где в листьях прячется сова.
А может, так же прячутся слова
за пнями
и замшелыми камнями?
Слова — они, наверное, корнями,
как дерева,
уходят в глубину.
И тропка нас уводит в старину,
туда, где бродит пращур волосатый
по травам, не имеющим названья,
где снег летит, не названный еще,
поет еще не названная птица
и звезды,
у которых нет названья,
в дремучих отражаются очах.
И пращура охватывает трепет,
едва доходит до его сознания,
какая тяжесть на его плечах.
В нем глухо пробуждается художник,
и, сладкие испытывая муки,
он ждет вас, нерожденные слова.
Он что-то удивительное лепит,
мешая краски, запахи и звуки.
Сначала это только смутный лепет,
и вдруг он превращается в слова.
Тогда травой становится трава,
а этот сумрак зыблющийся — лесом,
а этот холод падающий — снегом,
а это чудо маленькое — птицей.
И я беру из рук его слова.
Они еще звенят, как тетива
и как стрела,
что пущена из лука.
Они из цвета, запаха и звука.
На них еще не высохла роса.
В них травы отразились и деревья.
И у меня кружится голова,
пока я их несусь тебе —
слова,
исполненные доброго доверья.

Проза: Выполните целостный анализ произведения Константина Воробьева «Уха без соли». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: жанр произведения, особенности диалогов, особенности повествовательной структуры (на чью точку зрения

сориентировано повествование), особенности внешнего облика персонажей и их речевого портрета. Попробуйте выявить идею произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Константин Дмитриевич Воробьев

УХА БЕЗ СОЛИ

Мы приезжаем сюда, на это свое потайное место, каждый год седьмого августа, часам к пяти пополудни, в любую погоду. Табор мы разбиваем в подлеске возле трех окостеневших дубовых пней, метрах в двадцати от озера. В нем мы до сумерек удим рыбу, а потом варим уху - хоть из двух ершей. В полночь мы обмениваемся взаимными подарками - по большому листу сахарной ботвы и по одной брюкве, величиной с кулак. Ботву и брюкву мы съедаем сразу и молча, потом принимаемся за уху и выпивку, а в два часа ночи начинаем петь песни.

Так мы с конца войны отмечаем день своего рождения, и то место, где мы разводим огонь, не зарастает никакой травой, глубоко, значит, прокалилась земля.

В этот последний наш выезд выдалась смирная серая погода с притушенным мглистым солнцем. Мы поймали девять окуней, но один оказался с кованым шведским крючком в верхней губе,- попался уже раз, и его пришлось отпустить. Вечер подкрался рано и незаметно - тоже тихий, согласно-покорный какой-то, как ручной теленок. Над лесом за озером вставал большой тусклый месяц, и над землей реяла та засушливая жемчужная мгла исхода лета, что навеивает человеку покойную цепенящую грусть. В этом настроении непостижимо споро ладится любая работа,- это оттого, видно, что рукам тогда не сообщается усилий, а уму конечная цель дела. Я легко и почти бесшумно срубил и расколол засветло еще облюбованную сухую ольшину, почистил картошку, рыбу, лук, а напарник мой все тер и тер озерным песком казан под уху - старинный медный котел с каким-то таинственным клеймом: там был изображен волк верхом на человеке. Котел увесист и гулок, как колокол, и уха в нем не остывает часами. Он хорош своей уютной круглостью и каким-то прочным и давним благополучием. К нему очень идет подовая коврига ржаного хлеба,- тогда любая зримая и предполагаемая беда кажется неугрозной и одолимой. Впрочем, все, что принадлежит моему другу,- его вот старенькая неказистая "Победа", самодельная брезентовая накидка для нее с круглыми марлевыми окнами, ухватная ясенева ручка топора, которым я срубил ольшину, лещиновая удочка, отполированная до бубличного глянца,- все это выглядит долговечным, ладным и сноровистым, обещающим верность крепкой и охотной службы жизни, и все это каким-то странным образом похоже на своего хозяина. Я знаю это давно и наверное, потому что все, принадлежащее лично мне, подвержено прихоти различных капризов, поломок и стопорений, потому что мои вещи тоже похожи на меня самого...

Из озера ко мне на берег друг понес котел как дароносицу - осторожно и торжественно, стараясь не расплескать воду.

- Принимай, брат летчик!

Это говорится раз навсегда выверенным тоном, четко, серьезно и сострадательно. Я никогда не был летчиком, но мне не приходится обижаться: двадцать пять лет тому назад я на самом деле назвался ему летчиком-истребителем, сбитым под Вязьмой, в бою с пятью "мессерами". Не с одним и не с тремя, а с пятью, из которых двух я уничтожил будто бы с ходу. То был не к месту вздорный, даже там, в лагере военнопленных, не иссякший во мне запал мальчишеского тщеславного вранья и бахвальства, за которым дрожал и бился простодушный расчет на внимание и помощь сильного, несловоохотливого пленного солдата Дениса Неверова. Потом, позже, выяснилось, что никакой я не истребитель, но с тех пор Денис Иванович называет меня летчиком - наедине, по ночам, в день нашего рождения. Я, в свою очередь, величаю его тогда "Диванович", вместо "Иванович": в каком-то местечке на Брянщине он - уже будучи партизанским разведчиком - пробыл около двух часов в топчане, на котором в это время полусидел-полулежал немец, неурочно навестивший нашу связную - "гестаповку".

Это "летчик" и "Диванович" да еще вот ботва и брюква - предел в наших поминаниях прошлого. Оно не то что свято или проклято, но просто непосильно теперь нам. И даже невероятно. Столько там изжитых стыдных унижений! Может, поэтому наши взаимоотношения в такие ночи грешат какой-то старомодной церемонностью и взаимопочтительностью: мы лишний раз говорим друг другу "будь добр", "спасибо", "пожалуйста" и "благодарю", и движения наши спокойны и медлительны, и беседы отвлеченны и немного сентиментальны.

Я подвесил на рогатку котел и одной спичкой, это тоже входило в обряд нашего праздника,- разжег под ним дрова. Денис Иванович сел напротив меня и с какой-то элегической расслабленностью произнес благодарную хвалу Творцу, создавшему землю, небо, озеро и окуней.

- Хорошо, что человек не властен над этим,- сказал он и повел рукой по ночи.- Испортил бы, стремясь улучшить.

Он не сказал подходящего в этом случае "испаскудил" или "испоганил", в такие ночи мы сознательно избегаем грубых слов, и я молчаливым кивком подтвердил свое согласие с ним и попросил, чтобы он был любезен и достал из машины соль.

- Чего? Со-оль?

- с тихо нарастающей к миру враждебностью не сразу переспросил он.

- Совершенно верно. Соль. Для ухи,- подтвердил я, поняв его, и тогда Денис Иванович длинно и непуतेво выругался в стужу, в бурю и в свой склероз.

- Ты тоже, понимаешь, хорош: пришел с портфельчиком, уселся, как какой-нибудь директор пивзавода, и поехал. Не мог, понимаешь, поинтересоваться на месте! Гусь лапчатый!

Я посоветовал ему выражаться утонченней, но он сказал, чтобы я не придурился и думал лучше, как добыть соль. Тогда я поинтересовался,

постигает ли он теперь главную причину моральной неполноценности китайских хунвейбинов, но Денис Иванович сделал вид, что не понял меня, и поднялся от костра. В призрачной белесой мгле, под знойный стрекот кузнечиков и сухой подиравший вскрик коростелей, зрела ночь. Котел вздрагивал и даже тихонько погудывал, и от него исходил полынно чистый дух лаврового листа.

- Ну что будем делать, а?

Голос Дениса Ивановича звучал нетерпением и досадой. У нас было два выхода - остаться без ухи или завести машину, выбраться на шоссе и там на пятнадцатом километре отсюда, в домике дорожного мастера, разжиться солью. На этом мы и порешили, и я поодиночке, рыльцами вниз, опустил в бурунную благодать котла окуней и сотворил в душе хвалу Творцу за все мне посланное в жизни.

Вот под это все он и вступил в белый круг нашего костра, неслышно вступил, неожиданно, и оттого, как мгновенно пересохло у меня горло и как пригнулся и шагнул прочь Денис Иванович, я понял, что нам с ним никогда не избежать страха погони и застигнутости! Нет, узнали мы этого шатуна позже, минут двадцать спустя, и не лично его мы испугались, а вообще человека в ночи. На нем были до окоженелости заношенные солдатские брюки и китель, большая, от ветхости оранжевая железнодорожная фуражка и растоптанные кирзовые сапоги. В руках, на манер ружья, он держал удочки, а за спиной у него, налезая узлом на затылок, громоздился парусиновый мешок от надувной лодки. Наверно, он порядком устал, потому что сразу же освободился от лямок мешка, а затем уже поздоровался с нами и спросил, клюет ли.

- Да мы вот с другом словили на ушишку,- сдержанно сказал Денис Иванович и упомянул соль и свой склероз. Откровенно говоря, мне не хотелось, чтобы у незнакомца оказалась соль и чтобы он вообще задерживался тут, у костра,- тогда разорялась наша ночь, но соль таки у него нашлась. Он сказал, что рыбак рыбака "должен выручать с пониманием", и каким-то спутанно-слепым и как бы бесцельным торканьем рук, будто их било непрерывным тиком, стал развязывать мешок.

С этого - бесцельного на первый взгляд метанья его рук и началось мое узнавание ночного гостя.

Он по-прежнему - если это был он! - выглядел сухим и рослым, но время тронуло его голос,- он осел и притух, сгладило и увеличило лоб, изменило нос,- он у него разбрык и покраснел,- подбило линькой глаза и высекло морщины по краям прежнего щелистого рта. Да, это был он, кого мы никак не должны были тут встретить, но мне хотелось, чтобы я ошибся и чтобы Денис Иванович как-нибудь подтвердил эту мою ошибку без моего намека.

Творческое задание.

Представьте, что у вас появилась возможность создать литературный музей нового типа. Чему или кому он будет посвящён? Одному герою?

Одному литературному произведению? Одному писателю? А может быть, какому-то жанру? Какие экспонаты должны быть выставлены в этом музее? Каким образом должна быть устроена экспозиция музея, чтобы быть интересной посетителям? Что нужно учесть, чтобы предоставить посетителям возможность, кроме интересного времяпрепровождения, получить ещё важную информацию?

Напишите ответы на эти вопросы в виде заявки возможным учредителям музея. Подумайте и решите, какая аргументация уместна в тексте подобного жанра и как он должен быть построен.

Задания для 9-11 классов

Муниципальный этап олимпиады для учеников 9-11 класса состоит из **одного аналитического задания** (с опорой на предложенные направления для анализа; время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **одного творческого задания** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (5 астрономических часов) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. **Максимальный общий балл за работу – 100 баллов** (аналитическое задание – 70 баллов, творческое задание – 30 баллов).

10 класс

Аналитическое задание.

Участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

Проза: Выполните целостный анализ произведения Виктора Астафьева «На далекой северной вершине», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности повествовательной структуры (на чью точку зрения сориентировано повествование?), особенности внешнего облика персонажей и их речевого портрета, своеобразие «местного колорита», назначение авторского размышления. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

На далекой северной вершине

На далекой северной вершине

Он часами неподвижно стоял на каменном останце, окутанном сонной дымкой. Останец был огромен, гол, черен и напоминал развалины древнего замка. Вокруг останца раскатились на версту, а где и на две, камни величиной с двухэтажные дома. От этих камней откололись и рассыпались булыжины поменьше, и осыпи были похожи на серые стада, пасущиеся вплоть до зимних снегопадов у подножия скал на густотравных, заболоченных полянах.

Останцев, гольцов, осыпей, срезанных ветрами скал много на Великом хребте, и почти все они называются соответственно той форме, какую дала им природа: Медведь, Чум, Трезубец, Патрон и даже Бронепоезд.

Он почему-то выбрал Патрон. И на его тупом срезе, нацеленном в небо, стоял, глядя вниз. Если бы у него не было рогов, раскидистых и ветвистых, его можно было бы принять за причудливо источенную дождями и ветрами вершину — так он сливался со всем этим, убаюканным тысячеверстной тишиною, суровым миром.

На останец он выходил перед закатом солнца, когда спадала с вершин синяя паутина и было далеко и отчетливо все видно. Солнце, перед тем как закатиться, уютно западало в рога и какое-то время покоилось там, будто в

раскинутых добрых руках. Затем оно скатывалось за спину оленя, и от каждого отростка его рогов улетали ввысь лучи, весь он вспыхивал голубоватым, загадочно-меняющим светом и на миг словно бы превращался в яркую планету, взошедшую над Великим хребтом. Все звери и птицы замирали вокруг, в пугливой настороженности поворачивали головы туда, где вот уже несколько вечеров без дыма сгорал дикий олень и не мог сгореть.

Вожак двухтысячного оленьего стада, которое кочевало к родному колхозу с запада на восток по Великому хребту, выедавая по пути пастбищные мхи, чуть приотставал и, по-мужицки крепко расставив узловатые ноги, тревожно глядел на останец, где стоял и светился олень.

Ноздри вожака дрожливо пульсировали, от напряжения по ним сочилась сырость, к голове его приливалась кровь, и в ушах начинало шуметь. Вожак тряс головою, пытаясь отогнать этот густой, тяжелящий все тело шум.

Вожак был грудастый, кряжистый и строгий. Он вместе с сильными оленями — хорами возглавлял оленье стадо, и вожаком признавали его не только олени, но и пастухи- оленеводы, доверчиво разговаривающие с ним и балующие его за верную службу солью-лизунцом. Вожак не раз спасал это стадо от нырких и бесстрашных северных волков, привыкших добывать еду в смертельной борьбе. Вожак помогал пастухам находить кормные поляны ягельника среди осыпей, на пустынном, обветренном хребте; почуять надвигающийся обвал и узреть затянутые рыжей шерсткой мха трясиновые окна; расслышать крадущиеся, по-кошачьи мягкие шаги белощеого горного медведя; и много еще нужного и полезного людям и оленям знал и умел вожак.

Не умел вожак одного — драться за продление рода, добывать в борьбе любовь. Люди избавили его от этой извечной необходимости. Люди сделали его покорным и послушным, они загасили в нем пламя, которое сожгло не одно оленье сердце, тот огонь, из которого выплавлялись быстрые как вихрь, самоотверженные и гордые в любви олени.

А тот, на останце, хотел сразиться.

В позе его, напряженной и дерзкой, в раскинутых встреч ветру рогах, в поджатой ноге был вызов, и чувствовалось — вот-вот затрубит он на весь этот подоблачный край, встревожит и пробудит от белого сна горы и бросится следом за пенистыми потоками вниз, слепой и яростный от губительно-сладкой звериной страсти.

Вожака охватило беспокойство. Он уводил стадо все дальше и дальше от останца Патрона. Фигурка оленя на гольце сделалась уже с комарика величиной. И все же в долгую северную зорю, почти сомкнувшимся кругом обнявшую хребет, видно было дикаря-оленя, как спускалось солнце на его рога, видно было и как он на мгновение превращался в язычок пламени и невиданной планеткой восходил над землей, а затем медленно угасал в пепельно-серых северных сумерках. Но вот стадо отошло так далеко, что останец Патрон призрачно закачался и, как бы отделившись от земли, слился с небом, растворился в нем.

Мышцы вожака сами собой расслабились.

Он успокоенно улегся на просторной ягельной поляне, утомленно закрыл белыми толстыми ресницами глаза. Взамен вожака по бокам стада встали два сильных хора, подняли головы, дрожливыми ноздрями процеживая струи воздуха, распутывая нити, вплетенные в эти струи, будто читали бесконечные, сложные, им лишь ведомые письма. Вокруг отдыхающего вожака, кокетливо изгибая шейки, ходили пышногрудые, ушастые важенки.

Вожак смотрел на них дремно и сыто, переваливая во рту сочную ягельную жвачку.

Утром мимо стада, сопровождаемые собачьим лаем и гамом, прокочевали пастухи, остановились ненадолго, дали соли-лизунца вожаку и разбили палатку за седловиной, в заветрии, у потока. Вожак через два-три дня приведет стадо к стоянке пастухов, и они пропустят его мимо, а после снова обгонят и снова разобьют палатку впереди.

Так вот постепенно стадо оленей перевалит хребет. Нагуляв тело на горных ягельниках, к зиме олени спустятся на равнину, в колхоз, к спокойной, беззаботной жизни.

А дикарь этот останется здесь, одинокий, мятежный, и, скорее всего, волчья стая выследит его зимою, погонит так, что от мороза у него ледяными пробками схватит ноздри, и он, задохнувшийся, обреченный, остановится в глубоком снегу. Волки неторопливо стянутся вокруг дикаря петлею, разорвут и растащат его по кусочку.

Даже кровь с камней и со снега слижут волки.

Откуда он взялся, этот бесстрашный гость? Зачем пришел сюда?

Уж много лет в этих краях нет диких оленей. Люди оттеснили их еще дальше на север, в ветреный и пустынный заполярный круг. Может, отбилась от домашнего стада и одичал этот олень? Может, во время гона, забыв обо всем на свете, мчался безрассудно за важенками и очутился здесь? А может, никак не сыщет важенок и рыщет по хребту, истово желая любить и сражаться за любовь?!

Но у него были важенки. Две. Как он нашел их среди каменных осыпей, в голых завалах ущелий, в искореженных худых лесах — известно только ему. Он был молод, к нему пришла первая свадебная осень, и он, происшедший от дикого оленя и гибкой, как ива, северной оленухи, был неистов в любви и жадно искал еще и еще самок. Но сильнее любви он жаждал боя, горячей схватки, чтобы истратить переполнявшую его страстную силу, притушить огонь, все больше распалющийся в сердце.

Но на огромном, необозримом хребте не было больше диких тонконогих оленух и гривастых диких оленей. Он трубил, он звал их, и две важенки, чудом найденные им, чутливо насторожив уши, слушали его гневный, страстный голос и покорно следовали за ним все дальше и дальше к югу, в сторону склонов, покрытых лесами, пугающих скрытою в них опасностью.

Жажда материнства была сильнее страха.

Они не отставали от самца. А он, ловя томительные, зовущие запахи в струистом осеннем ветру, точно шел к огромному оленьему стаду. И пришел.

Он стоял и вечер, и два, и три на останце, ожидая, когда придут к нему сразиться такие же, как он, гордые и яростные самцы. Он трубил так, что внизу, утаившиеся в камнях, вздрагивали немые, терпеливые и преданные в любви важенки.

Никто не откликнулся на голос дикаря и не шел с ним драться. Он мог бы сам прийти к стаду и ударить копытом оземь так, что камни полетят из-под них, густым комарьем закружатся клочья травы и мха, повиснет вокруг предчувствие битвы. Но запахи дыма, собак и какого-то устойчивого, сытого покоя пугали его.

Там, внизу, пахло человеком. А человека он не переставал бояться даже во время гона.

И все же любовь преодолела страх. Когда стадо ушло за горбом выгнутый хребет, к истоку северной реки, он двинулся следом за ним. Разжигаясь от погони, неизвестности и предчувствия битвы, дикарь все ускорял и ускорял свой легкий бег.

За ним неслышными тенями мчались две легконогие важенки, осыпая с карликовых березок искры листиков, продолговатые капли голубицы, растапывая крепкие ягоды клюквы, ломая хрусткие ветви багульника.

Он нагнал стадо на склоне хребта, где уже кончался мох, начинались леса и спутанными валами лежали вразнохлест нескошенные травы на отлогих полянах.

Он вышел на середину поляны, постоял среди крепких, как проволока, веток травы кровохлебки, среди пушистых ветвей иван-чая и густо воняющего перед холодами багульника. Воинственно всхрапнув, он ударил сильным копытом о землю. Вздогнули травы, рассыпались сухие семена, из камней снялся табун куропаток, брызнули дождем багровые шишечки кровохлебки и задвигались красными волнами. Он затрубил грозно и требовательно, теперь уж обоими копытами поочередно отбрасывая ошметки земли и все ниже опуская голову с захлестнутыми яростью глазами.

Он привел с собою двух важенок, и ему надо было доказать им и всему этому послушному, добропорядочному стаду, небу этому, земле этой, миру этому — что он имеет право на любовь! И он завоеует ее или умрет!

От стада отделился вожак и встал, как бы загораживая своих оленей собою. В позе вожака была нерешительность и досада. Олени-рогачи почтительно толпились сзади вожака, как солдаты, в несколько рядов, а за ними пошевеливали длинными ушами важенки, вытягивая по-женски любопытно шеи. Дикарь снова протрубил и еще дальше стал раскидывать землю. Должно быть, он докопался до когда-то огненной, но теперь уже остывшей лавы и высек из нее искры. Вожак не трогался с места. Он стоял широкогрудый, приземистый, с неуклюжими, большими копытами, любопытно смотрел на разгорячившегося молодца и не знал — как ему быть и что делать?

У вожака снова зашумело в ушах, тяжестью наполнилось тело его, и он затряс головой, чтобы избавиться от этой докучливой, нудной тяжести и шума, а дикарь понял это как вызов и, молодо, пружинисто играя затвердевшими мускулами, пошел навстречу вожаку с закинутой ветвистой головой.

Стадо оленей застыло в робком, растерянном ожидании. Дикие важенки, понимающие, куда клонится дело, отошли в сторону и начали щипать мох на ягельной поляне с таким видом, словно бы их не касалось ничего на этом свете и никакого отношения не имели они к той смертельной схватке, что должна была сейчас произойти.

А между тем пришелец двигался к вожаку неторопливо, с достоинством, трубя громко, с перерывами, чтобы все важенки: и те, которых он привел, и те, что были отгорожены от него лесом рогов, — видели, какой он красивый, сильный и бесстрашный и какая знойная сила таится в его молодом, еще нисколько не истраченном теле!

О победе он сейчас не думал. Он ни о чем сейчас не думал. Нутро его наполнилось пламенем, все в нем бушевало такой огненной стихией, что никакая власть, никакая сила на земле не могли ни остановить его, ни образумить.

Он еще благородно постоял перед вожаком, увидев, что тот не изготовился к бою. И когда вожак наклонил голову и, разжигая в себе полууснувшие инстинкты и устарелую ярость, затряс рогами и всхрапнул, дикарь ударился рогами в его рога.

От сухого, оголенного удара, какой бывает только при ударе искровых кремней друг о дружку, шарахнулось и затопало стадо. Олени перестали жевать моховую жвачку и с туповатым удивлением глядели на битву самцов.

Дикарь разогнался для второго удара и, уже не видя вожака закровенелыми глазами, а лишь природою данным чутьем угадывал его, с новой, еще большей силой стукнулся рогами в рога вожака и почувствовал, как спружинила шея противника и откинулась его голова. Не размыкая рогов, дикарь стоял, упираясь в землю, и ноги его по колено ушли в засоренную острым плитняком болотину. На одной его ноге камнем подрезало кожу и задрало чулком. Сделались видны до звона натянутые сухожилия и красные, как огненная сталь, мускулы. От натуги, от огромного напряжения выдувалась кровавая пена из ноздрей дикаря и дымилась на нем кожа. Вожак сдавал. Голова его закидывалась все выше и выше. Вот оба оленя вздыбились, стоя на задних ногах, до пахов вдавив один другого в болотистую почву, жарко храпя друг дружке в оскаленные морды, роняя из ноздрей и рта кровавую пену. Вожак могуч, крепок, но он уже пьяно шатается и вот-вот рухнет на спину, ломая о булыжник отростки рогов, а олень с далекой северной вершины затрубит победу, закричит горам, земле, небу этому о законном праве на дикую любовь свою, добытом в справедливой борьбе.

Но вожак неувлимым движением головы высвободил рога и упал перед дикарем на колени в размешанную, развороченную болотину. Он как

будто покорился, обессилел. Лишь глаза его, не захлестнутые кровью и свирепым пламенем, зорко и напряженно следили за молодым оленем.

Долю секунды, одну только долю секунды дикарь стоял вздыбленный к небу, а затем, ликуяще всхрапнув, бросился на поверженного соперника сверху.

Он даже и не почувствовал, как отросток рога вожака, расчетливо и точно подставленного, с легким хрустом вошел в него, словно граненый штык в грудь солдата, — холодное острие коснулось того, что билось пружинистыми толчками и было сейчас не сердцем, а сгустком пламени, готового вот-вот прожечь грудь, разорваться восторженным криком победы. В ноздри дикого оленя ударил запах нутряной, перекипевшей крови, и тут же разом умирлился в нем огонь и откинулась красная пелена с его глаз.

Будто в прозрачном, чуть дрожащем потоке, он ясно увидел толпящихся вдали оленей, ушастых перепуганных важенок за ними, увидел и тех двух, что спокойно паслись в стороне и ждали своей участи. Увидел вершину с белой шапкой, вдруг зарябившую и опрокинувшуюся вниз острием своим, вниз узкими истоками речек, вниз тупыми макушками листовенниц, редко, но упрямо наступающими на голый хребет.

Он умер, не успев прокричать о своей победе. Рот его так и остался открытым в безгласном восторженном крике, в глазах остановились недоумение и жажда любви.

Вожак стряхнул с себя враз увядшую тушу пришельца и брезгливо потряс головой. Запах крови угнетал его и раздражал. Он подошел к камню, обметанному серыми заплатами лишайника, и долго, старательно терся рогом о камень, счищая с него красную кровь, потом, не оглядываясь, побежал за своими оленями и сердито загнал в стадо разбредшихся по сторонам молодых важенок.

Ночь настигла стадо домашних оленей у останца Трезубец — огромной, даже среди этих гор, скалы с тремя заостренными вершинами. Меж этих вершин, в одном из распадков, где камень был измельчен копытами оленей, переплетаясь по-братски, словно корни одного дерева, лежали кучи рогов. Иные рога уже превратились в пепел и прах от времени, иные почернели и обломались, иные выбелило ветром, снегом и вешними потоками. Меж рогов проросла трава, и коробочки отгоревших цветов с сухим треском раскрывались, роняя семена в расщелины камней.

И хотя вожак и олени его стада не сбрасывали рога — их спиливали люди, избавляя животных от печального обряда, ради которого надо было делать изнурительный, дальний поход, все же слабый проблеск памяти останавливал и удерживал их у Трезубца и какая-то священная привязанность к этому месту оживала в вожаке и во всех оленях стада. Всю ночь стояло здесь стадо, не смея кормиться и шуметь. До первого солнечного луча почетным караулом замирали олени у распадка, и ноздри их пульсировали, трепетали, вбирая запах тлеющих рогов.

Что-то все время беспокоило вожака. Чудилось ему: сквозь скорбный тлен настойчиво и остро струится запах того оленя, которого он убил на заре.

Вожак все ниже и ниже опускал голову к земле.

Ему виделся молодой олень, несущий свои первые рога к древнему кладбищу. Он пришел с далекой, недоступной людям северной вершины, спустился с голых, прокаленных морозами камней, опутанных внизу карликовой березкой и стлаником. Он шел через реки и грозные потоки, сквозь каменные лавы и гибельные болота, сквозь снежные обвалы и волчьи стаи, сквозь беды и бури шел он. И когда принес рога и, мучаясь, с болью выдернул их из кости головы и они сплелись ветвями своими с рогами его предков, две крупные голубые слезы выкатились из глаз его. Он услышал, как тонко звенели они, скатываясь по отросткам рогов до самой земли, твердой, неласковой, но родной. Пронизанный сладкой печалью, облегченный и светлый, лежал потом возле Трезубца молодой олень, и мудрость взрослого самца, которому дано было познать теперь радость ежегодного обновления, вселялась в него на всю жизнь.

Перед самым утром стадо оленей встревоженно ворохнулось, запереступало. Вожак недовольно повернул голову, и, хотя ночь была без звезд и луны, он по слетающему с вершин ветреному запаху, в котором студеною лентой колыхался дух северных, пресных снегов, почувствовал — в стадо пришли важеньки. Те, две.

Вожак не прогнал их и на рассвете увел стадо от Трезубца.

Олени и оленухи шли медленно, оставляя на мшистой горной тундре подчистую выеденные поляны мха и темную, несколько лет не зарастающую топанину. Олени то и дело оглядывались, вздрагивали ноздрями.

Вожак не прибавлял шагу и не торопил своих оленей.

Через несколько зорь, когда люди разбили палатку уже в лесу, на восточном склоне Великого хребта, а олени уже шли вдоль границы лесотундры по проплешистымзатравенелым мхам, дикие важеньки начали отделяться от стада.

Днем они кормились на полянах, лежали среди седых стлаников и уже не подпускали к себе толстоногих, не очень брезгливых и настойчивых в любви самцов. Ночью они все же заходили в гущу теплого стада, с которым породнились, и вздыхали так, как умеют вздыхать только коровы и олени: шумно, длинно и грустно.

День ото дня две важеньки все дальше и дальше отпускали от себя стадо и однажды не вернулись в него.

Белым от инея утром вожак повел свое стадо вниз, в необозримую, глухую тайгу, оставляя горные вершины, останцы, перевалы в ярком осиянии уже не греющего, праздно сверкающего солнца.

Перед тем как уйти из горной тундры, тесной и просторной, до следующего лета, вожак обвел прощальным взглядом Великий хребет, клубящиеся по склонам стланики, осыпающиеся ягодники, не тронутую косой траву и черные развалины скал, вбирающих в глухую, остуженную грудь первый холодок, который потом наберет силу и станет колоть их, разрывать на куски, осыпать то рокочущей лавой мелкого плитняка, то громадными, все сокрушающими на пути глыбами.

На одном из Трезубцев, сталисто отблескивающим в вышине, вожак различил две тонконогие, ушастые фигурки. Они стояли там плотно одна к одной, сиротливые и грустные, до тех пор, пока все стадо, до последнего оленя, не скрылось в лесу, выжидательно притихшем в предчувствии снега и зимы.

Вот и вожака, мудрого и заботливого отца стада, не стало. И он скрылся в лесу. Ушел.

Дикие важенки еще долго, до самой темноты, напрягали зрение и нюх, но ничего уже не было видно, и запах оленей растащило по хребту крепчающим ветром. Уже в потемках спустились важенки вниз и пожили у Трезубца до тех пор, пока усмирило морозом запах того бунтаря-пришельца, что принес сюда свои первые рога.

Важенки начали отходить к западному склону хребта, спускаясь ниже и ниже по редколесным распадкам. К весне они достигнут того места, которое зовется у людей островом. Остров — это такой уголок среди великих гор, где звери спасаются от опасности. Дикие олени, козы, лосихи здесь рожают детенышей, и здесь же скрываются больные или раненые хищники, и никогда ни один зверь ни в голоде, ни в злобе не трогает здесь друг дружку.

Небольшая для этих мест, пологая гора — верст пять в длину и с версту в поперечнике, вся заросшая лесом, шипицею да черничником, она со всех сторон окружена гиблыми, непроходимыми осыпями и потому совершенно неприступна для человека, который для себя никак не может найти такой вот безопасный островок на всей своей огромной планете. В хитроумных, запутанных щелях, среди огромных внизу и мелких вверху валунов-камней, где, казалось бы, только змейке и проползти, есть звериные тропы.

И когда наступит срок, по одной из них бесшумно, тайком поднимутся сюда две важенки и на мягком мху, затянутом черничником и брусникою, под приземистыми кедрами, обвешанными бородами лишайника, принесут они детенышей, стремясь восполнить тот урон, который осенью понесла природа.

А спустя год-два на Великом хребте, на далекой северной вершине, снова затрубит дикий олень с клопочущим от страсти сердцем и потребует справедливой борьбы за губительную и всепобеждающую любовь.

1967

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения Евгения Евтушенко «Так мала в этом веке пока что...», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: динамика переживаний лирического героя, историко-культурные и литературные ассоциации, соотношение визуальных и акустических деталей поэтической картины; связь названных реалий с мотивной структурой произведения, особенности ритмической и синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, заверченный текст.

Так мала в этом веке пока что...

Так мала в этом веке пока что
человеческой жизни цена!...
Под крылами голубки Пикассо
продолжается всюду война.

Наших жен мы поспешно целуем,
обнимаем поспешно детей,
и уходим от них, и воюем
на войне человеческих страстей.

Мы воюем с песками, снегами,
с небесами воюем, землей;
мы воюем с неправдой, долгами,
с дураками и сами с собой.

И когда умираем, не смейте
простодушно поверить вполне
ни в инфаркт, ни в естественность смерти,-
мы убиты на этой войне.

И мужей, без вины виноватых,
наши жены, приткнув к окну,
провожают глазами солдаток
на суровую эту войну.

1965

Творческое задание

Представьте, что вас пригласили для участия в дискуссии на телевидении или радио. Редактор передачи прислал такие вопросы и пояснения к ней: «Сейчас во всём мире популярны рассказы в картинках – комиксы. Среди них есть много комиксов, сделанных на сюжеты известных литературных произведений. О литературе и комиксах и пойдет речь в нашей передаче.

Если в передаче вы займете сторону создателей литературных комиксов, то **расскажите**, какие произведения Вы взяли бы за основу своих комиксов в первую очередь? Почему? На конкретном примере объясните, что приобретет произведение от перевода в комикс.

Если в передаче вы займете сторону противников литературных комиксов, то **расскажите**, есть ли такие произведения, которые, как вам кажется, невозможно перевести на язык комиксов? Почему? Какие особенности этих произведений будут этому препятствовать? Что теряет

произведение при переводе в комикс? Приведите, пожалуйста, конкретный пример».

Напишите текст своего выступления для передачи, учитывая возможные аргументы противников вашей позиции и возражая им. Позаботьтесь об убедительности и лаконичности, которые необходимы в речевой ситуации дискуссии.

Задания для 9-11 классов

Муниципальный этап олимпиады для учеников 9-11 класса состоит из **одного аналитического задания** (с опорой на предложенные направления для анализа; время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **одного творческого задания** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (5 астрономических часов) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. **Максимальный общий балл за работу – 100 баллов** (аналитическое задание – 70 баллов, творческое задание – 30 баллов).

11 класс

Аналитическое задание. Участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

Проза: Выполните целостный анализ произведения Татьяны Толстой «Соня», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: композицию повествования; образ героя-рассказчика, психологические мотивы, определяющие поведение персонажей; роль второстепенных персонажей; специфику изображения художественного пространства (соотношение крупного и общего планов, интерьер и т.д.). Попробуйте охарактеризовать проблематику произведения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Рассказ

Жил человек - и нет его. Только имя осталось - Соня. "Помните, Соня говорила..." "Платье похожее, как у Сони..." "Сморкаешься, сморкаешься без конца, как Соня..." Потом умерли и те, кто так говорил, в голове остался только след голоса, бестелесного, как бы исходящего из черной пасти телефонной трубки. Или вдруг раскроется, словно в воздухе, светлой фотографией солнечная комната - смех вокруг накрытого стола, и будто гиацинты в стеклянной вазочке на скатерти, тоже изогнувшиеся в кудрявых розовых улыбках. Смотри скорей, пока не погасло! Кто это тут? Есть ли среди них тот, кто тебе нужен? Но светлая комната дрожит и меркнет, и уже просвечивают марлей спины сидящих, и со страшной скоростью, распадаясь, уносится вдаль их смех - догони-ка. Нет, стойте, дайте нас; рассмотреть! Сидите, как сидели, и назовитесь по порядку! Но напрасны попытки ухватить воспоминания грубыми телесными руками, веселая смеющаяся фигура оборачивается большой, грубо раскрашенной тряпичной куклой, валится со стула, если не подоткнешь ее сбоку; на бессмысленном лбу потеки клея от мочального парика, и голубые стеклянные глазки соединены внутри пустого черепа железной дужкой со свинцовым шариком противовеса. Вот чертова перечница!

А ведь притворялась живой и любимой! А смеющаяся компания порхнула прочь и, поправ тугие законы пространства и времени, щебечет себе вновь в каком-то недоступном закоулке мира, вовеки нетленная, нарядно бессмертная, и, может быть, покажется вновь на одном из поворотов пути - в самый неподходящий момент и, конечно, без предупреждения.

Ну раз вы такие - живите как хотите. Гоняться за вами - все равно что ловить бабочек, размахивая лопатой. Но хотелось бы поподробнее узнать про Соню.

Ясно одно - Соня была дура. Это ее качество никто никогда не оспаривал, да теперь уж и некому. Приглашенная в первый раз на обед – в далеком, желтоватой дымкой подернутом тридцатом году, - истуканом сидела в торце длинного накрахмаленного стола, перед конусом салфетки, свернутой, как было принято - домиком. Стыло бульонное озерцо. Лежала праздная ложка. Достоинство всех английских королев, вместе взятых, заморозило Сонины лошадиные черты.

- А вы, Соня, - сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено), - а вы, Соня, что же не кушаете?

- Перцу дожидаюсь, - строго отвечала она ледяной верхней губой.

Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже выяснились и Сонины незаменимость на кухне в предпраздничной суете, и швейные достоинства, и ее готовность погулять с чужими детьми и даже посторожить их сон, если все шумной компанией отправляются на какое-нибудь неотложное увеселение, - по прошествии некоторого времени кристалл Сониной глупости засверкал иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости. Чуткий инструмент, Сониная душа улавливала, очевидно, тональность настроения общества, пригревшего ее вчера, но, зазевавшись, не успевала перестроиться на сегодня. Так, если на поминках Соня бодро вскрикивала: "Пей до дна!" - то ясно было, что в ней еще живы недавние именины, а на свадьбе от Сониных тостов веяло вчерашней кутьей с гробовыми мармеладками.

"Я вас видела в филармонии с какой-то красивой дамой: интересно, кто это?" - спрашивала Соня у растерянного мужа, перегнувшись через его помертвевшую жену. В такие моменты насмешник Лев Адольфович, вытянув губы трубочкой, высоко подняв лохматые брови, мотал головой, блеснул мелкими очками: "Если человек мертв, то это надолго, если он глуп, то это навсегда!" Что же, так оно и есть, время только подтвердило его слова.

Сестра Льва Адольфовича, Ада, женщина острая, худая, по-змеиному элегантная, тоже попавшая однажды в неловкое положение из-за Сониного идиотизма, мечтала ее наказать. Ну, конечно, слегка - так, чтобы и самим посмеяться, и дурочке доставить небольшое развлечение. И они шептались в углу - Лев и Ада, - выдумывая что поостроумнее.

Стало быть, Соня шила... А как она сама одевалась? Безобразно, друзья мои, безобразно! Что-то синее, полосатое, до такой степени к ней не идущее! Ну вообразите себе: голова как у лошади Пржевальского (подметил Лев Адольфович), под челюстью огромный висячий бант блузки торчит из

твердых створок костюма, и рукава всегда слишком длинные. Грудь впалая, ноги такие толстые - будто от другого человеческого комплекта, и косолапые ступни. Обувь набок снашивала. Ну, грудь, ноги - это не одежда... Тоже одежда, милая моя, это тоже считается как одежда! При таких данных надо особенно соображать, что можно носить, чего нельзя!.. Брошка у нее была - эмалевый голубок. Носила его на лацкане жакета, не расставалась. И когда переодевалась в другое платье - тоже обязательно прицепляла этого голубка.

Соня хорошо готовила. Торты накручивала великолепные. Потом вот эту, знаете, трепуху, почки, вымя, мозги - их так легко испортить, а у нее выходило - пальчики оближешь. Так что это всегда поручалось ей. Вкусно, и давало повод для шуток. Лев Адольфович, вытягивая губы, кричал через стол: "Сонечка, ваше вымя меня сегодня просто потрясает!" - и она радостно кивала в ответ. А Ада сладким голоском говорила: "А я вот в восторге от ваших бараньих мозгов!" - "Это телячьи", - не понимала Соня, улыбаясь. И все радовались: ну не прелесть ли?!

Она любила детей, это ясно, и можно было поехать в отпуск, хоть в Кисловодск, и оставить на нее детей и квартиру - поживите пока у нас, Соня, ладно? - и, вернувшись, найти все в отменном порядке: и пыль вытерта, и дети румяные, сытые, гуляли каждый день и даже ходили на экскурсию в музей, где Соня служила каким-то там научным хранителем, что ли; скучная жизнь у этих музейных хранителей, все они старые девы. Дети успевали привязаться к ней и огорчались, когда ее приходилось перебрасывать в другую семью. Но ведь нельзя же быть эгоистами и пользоваться Соней в одиночку: другим она тоже могла быть нужна. В общем, управлялись, устанавливали какую-то разумную очередь.

Ну что о ней еще можно сказать? Да это, пожалуй, и все! Кто сейчас помнит какие-то детали? Да за пятьдесят лет никого почти в живых не осталось, что вы! И столько было действительно интересных, по-настоящему содержательных людей, оставивших концертные записи, книги, монографии по искусству. Какие судьбы! О каждом можно говорить без конца. Тот же Лев Адольфович, негодяй в сущности, но умнейший человек и в чем-то миляга. Можно было бы порасспрашивать Аду Адольфовну, но ведь ей, кажется, под девяносто, и - сами понимаете... Какой-то там случай был с ней во время блокады. Кстати, связанный с Соней. Нет, я плохо помню. Какой-то стакан, какие-то письма, какая-то шутка.

Сколько было Соне лет? В сорок первом году - там ее следы обрываются - ей должно было исполниться сорок. Да, кажется, так. Дальше уже просто подсчитать, когда она родилась и все такое, но какое это может иметь значение, если неизвестно, кто были ее родители, какой она была в детстве, где жила, что делала и с кем дружила до того дня, когда вышла на свет из неопределенности и села дожидаться перцу в солнечной, нарядной столовой.

Впрочем, надо думать, что она была романтична и по-своему возвышенна. В конце концов, эти ее банты, и эмалевый голубок, и чужие, всегда сентиментальные стихи, не вовремя срывавшиеся с губ, как бы

выплюнутые длинной верхней губой, приоткрывавшей длинные, костяного цвета зубы, и любовь к детям - причем к любимым, - все это характеризует ее вполне однозначно. Романтическое существо. Было ли у нее счастье? О да! Это - да! уж что-что, а счастье у нее было.

И вот надо же - жизнь устраивает такие штуки! - счастьем этим она была обязана всецело этой змее Аде Адольфовне. (Жаль, что вы ее не знали в молодости. Интересная женщина.)

Они собрались большой компанией - Ада, Лев, еще Валериан, Сережа, кажется, и Котик, и кто-то еще - и разработали уморительный план (поскольку идея была Адина, Лев называл его "адским планчиком"), отлично им удавшийся. Год шел что-нибудь такое тридцать третий. Ада была в своей лучшей форме, хотя уже и не девочка, - фигурка прелестная, лицо смуглое с темно-розовым румянцем, в теннис она первая, на байдарке первая, все ей смотрели в рот. Аде было даже неудобно, что у нее столько поклонников, а у Сони - ни одного. (Ой, умора! У Сони - поклонники?!) И она предложила придумать для бедняжки загадочного воздыхателя, безумно влюбленного, но по каким-то причинам никак не могущего с ней встретиться лично. Отличная идея! Фантом был немедленно создан, наречен Николаем, обременен женой и тремя детьми, поселен для переписки в квартире Адиного отца - тут раздались было голоса протеста: а если Соня узнает, если сунется по этому адресу? - но аргумент был отвергнут как несостоятельный: во-первых, Соня дура, в том-то вся и штука; ну а во-вторых, должна же у нее быть совесть - у Николая семья, неужели она ее возьмется разрушить? Вот, он же ей ясно пишет, - Николай то есть, - дорогая, ваш незабываемый облик навеки отпечатался в моем израненном сердце (не надо "израненном", а то она поймет буквально, что инвалид), но никогда, никогда нам не суждено быть рядом, так как долг перед детьми... ну и так далее, но чувство, - пишет далее Николай, - нет, лучше: истинное чувство - оно согреет его холодные члены ("То есть как это, Адочка?" - "Не мешайте, дураки!") путеводной звездой и всякой там пышной розой. Такое вот письмо. Пусть он видел ее, допустим, в филармонии, любовался ее тонким профилем (тут Валериан просто свалился с дивана от хохота) и вот хочет, чтобы возникла такая возвышенная переписка. Он с трудом узнал ее адрес. Умоляет прислать фотографию. А почему он не может явиться на свидание, тут-то дети не помешают? А у него чувство долга. Но оно ему почему-то ничуть не мешает переписываться? Ну тогда пусть он парализован. До пояса. Отсюда и хладные члены. Слушайте, не дурите! Надо будет - парализуем его попозже. Ада брызгала на почтовую бумагу "Шипром", Котик извлек из детского гербария засушенную незабудку, розовую от старости, совал в конверт. Жить было весело!

Переписка была бурной с обеих сторон. Соня, дура, клюнула сразу. Влюбилась так, что только оттаскивай. Пришлось слегка сдержать ее пыл: Николай писал примерно одно письмо в месяц, притормаживая Соню с ее разбушевавшимся купидоном.

Николай изощрялся в стихах: Валериану пришлось попотеть. Там были просто перлы, кто понимает, - Николай сравнивал Соню с лилией, лианой и

газелью, себя - с соловьем и джейраном, причем одновременно. Ада писала прозаический текст и осуществляла общее руководство, останавливая своих резвившихся приятелей, дававших советы Валериану: "Ты напиши ей, что она - гну. В смысле антилопа. Моя божественная гну, я без тебя иду ко дну!" Нет, Ада была на высоте: трепетала Николаевой нежностью и разверзала глубины его одинокого мятущегося духа, настаивала на необходимости сохранять платони-ческую чистоту отношений и в то же время подпускала намеки на разрушительную страсть, время для проявления коей еще почему-то не пришло. Конечно, по вечерам Николай и Соня должны были в назначенный час поднять взоры к одной и той же звезде. Без этого уж никак. Если участники эпистолярного романа в эту минуту находились поблизости, они старались помешать Соне раздвинуть занавески и украдкой бросить взгляд в звездную высь, звали ее в коридор: "Соня, подите сюда на минутку... Соня, вот какое дело...", наслаждаясь ее смятием: заветный миг надвигался, а Николаев взор рисковал проболтаться попусту в окрестностях какого-нибудь там Сириуса или как его - в общем, смотреть надо было в сторону Пулкова.

Потом затея стала надоедать: сколько же можно, тем более что из томной Сони ровным счетом ничего нельзя было вытянуть, никаких секретов; в наперсницы к себе она никого не допускала и вообще делала вид, что ничего не происходит, - надо же, какая скрытная оказалась, а в письмах горела неугасимым пламенем высокого чувства, обещала Николаю вечную верность и сообщала о себе все-привсе: и что ей снится, и какая пичужка где-то там прощепетала. Высылала в конвертах вагоны сухих цветов, и на один из Николаевых дней рождения послала ему, отцепив от своего ужасного жакета, свое единственное украшение: белого эмалевого голубка. "Соня, а где же ваш голубок?" - "Улетел", - говорила она, обнажая костяные лошадиные зубы, и по глазам ее ничего нельзя было прочесть. Ада все собиралась умертвить, наконец, обременявшего ее Николая, но, получив голубка, слегка содрогнулась и отложила убийство до лучших времен. В письме, приложенном к голубку, Соня клялась непременно отдать за Николая свою жизнь или пойти за ним, если надо, на край света.

Весь мыслимый урожай смеха был уже собран, проклятый Николай каторжным ядром путался под ногами, но бросить Соню одну, на дороге, без голубка, без возлюбленного, было бы бесчеловечно. А годы шли; Валериан, Котик и, кажется, Сережа по разным причинам отпали от участия в игре, и Ада мужественно, угрюмо, одна несла свое эпистолярное бремя, с ненавистью выпекая, как автомат, ежемесячные горячие почтовые поцелуи. Она уже сама стала немного Николаем, и порой в зеркале при вечернем освещении ей мерещились усы на ее смугло-розовом личике. И две женщины на двух концах Ленинграда, одна со злобой, другая с любовью, строчили друг другу письма о том, кого никогда не существовало.

Когда началась война, ни та ни другая не успели эвакуироваться. Ада копала рвы, думая о сыне, увезенном с детским садом. Было не до любви. Она съела все, что было можно, сварила кожаные туфли, пила горячий

бульон из обоев - там все-таки было немного клейстера. Настал декабрь, кончилось все. Ада отвезла на саночках в братскую могилу своего папу, потом Льва Адольфовича, затопила печурку Диккенсом и негнушима пальцами написала Соне прощальное Николаево письмо. Она писала, что все ложь, что она всех ненавидит, что Соня - старая дура и лошадь, что ничего не было и что будьте вы все прокляты. Ни Аде, ни Николаю дальше жить не хотелось. Она отперла двери большой отцовской квартиры, чтобы похоронной команде легче было войти, и легла на диван, навалив на себя пальто папы и брата.

Неясно, что там было дальше. Во-первых, это мало кого интересовало, во-вторых, Ада Адольфовна не очень-то разговорчива, ну и, кроме того, как уже говорилось, время! Время все съело. Добавим к этому, что читать в чужой душе трудно: темно, и дано не всякому. Смутные домыслы, попытки догадок - не больше.

Вряд ли, я полагаю, Соня получила Николаеву могильную весть. Сквозь тот черный декабрь письма не проходили или же шли месяцами. Будем думать, что она, возведя полуслепые от голода глаза к вечерней звезде над разбитым Пулковом, в этот день не почувствовала магнетического взгляда своего возлюбленного и поняла, что час его пробил. Любящее сердце - уж говорите, что хотите - чувствует такие вещи, его не обманешь. И, догадавшись, что пора, готовая испепелить себя ради спасения своего единственного, Соня взяла все, что у нее было - баночку довоенного томатного сока, сбереженного для такого вот смертного случая, - и побрела через весь Ленинград в квартиру умирающего Николая. Сока там было ровно на одну жизнь.

Николай лежал под горой пальто, в ушанке, с черным страшным лицом, с запекшимися губами, ногладко побритый. Соня опустилась на колени, прижалась глазами к его отекающей руке со сбитыми ногтями и немножко поплакала. Потом она напоила его соком с ложечки, подбросила книг в печкублагословила свою счастливую судьбу и ушла с ведром за водой, чтобы больше никогда не вернуться- бомбили в тот день сильно.

Вот, собственно, и все, что можно сказать о Соне. Жил человек - и нет его. Одно имя осталось.

- Ада Адольфовна, отдайте мне Сонины письма.

Ада Адольфовна выезжает из спальни в столовую, поворачивая руками большие колеса инвалидного кресла. Сморщенное личико ее мелко трясется. Черное платье прикрывает до пят безжизненные ноги. Большая камья приколотая у горла. Накаме кто-то кого-то убивает: щиты, копья, враг изящно упал.

- Письма?

Письма, письма, отдайте мне Сонины письма

- Не слышу!

Слово "отдайте" она всегда плохо слышит раздраженно шипит жена внука, косясь на камью.

- Не пора ли обедать? - шамкает Ада Адольфовна.

Какие большие темные буфеты, какое тяжелое столовое серебро в них, и вазы, и всякие запасы: чай, варенья, крупы, макароны. Из других комнат тоже виднеются буфеты, буфеты, гардеробы, шкафы - с бельем, с книгами, со всякими вещами. Где она хранит пачку Сониных писем, ветхий пакетик, перехваченный бечевкой, потрескивающий от сухих цветов, желтоватых и прозрачных, как стрекозиные крылья? Не помнит или не хочет говорить? Да и что толку - приставать к трясущейся парализованной старухе! Мало ли у нее самой было в жизни трудных дней? Скорее всего она бросила эту пачку в огонь, встав на распухшие колени в ту ледяную зиму, во вспыхивающем кругу минутного света, и, может быть, робко занявшись вначале, затем быстро чернея с углов, и, наконец, взвившись столбом гудящего пламени, письма согрели, хоть на краткий миг, ее скрюченные, окоченевшие пальцы. Пусть так. Вот только белого голубка, я думаю, она должна была оттуда вынуть. Ведь голубков огонь не берет.

Поэзия: Прочитайте стихотворение П. Антокольского «Гроза в Пятигорске», определите, кому оно посвящено. По каким элементам текста вы пришли к своему ответу? Выполните целостный анализ стихотворения, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: картина мира лирического субъекта; особенности строфической организации текста и рифмовки, художественные функции звуковых и лексических повторов, развернутых сравнений и предметных аналогий, использование средств поэтической лексики и поэтического синтаксиса. Попробуйте сформулировать организующую мысль этого стихотворения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Гроза в Пятигорске

Гроза разразилась и с юноши мёртвого
Мгновенно сорвала косматую бурку.
Пока только гром наступленье развёртывал,
А страшная весть понеслась к Петербургу.

Железные воды и кислые воды
Бурлили и били в источниках скал.
Ползли по дорогам коляски, подводы,
Арбы и лафеты. А юноша спал.

Он спал, ни стихов не читая, ни писем,
Не сын для отца и у века не пасынок.
И не был он сослан и не был зависим
От гор этих, молниями опоясанных.

Он парусом где-то белел одиноким,
Иль мчался по круче конем легконогим,

Иль, с барсом сцепившись, катился, визжа,
В туманную пропасть. А утром, воскреснув,
Гулял у чеченцев в аулах окрестных,
Менялся кинжалом с вождём мятежа.

Гроза разразилась. Остынув от зноя,
Машук и Бештау склонились над юношей,
Одели его ледяной сединою,
Дыханьем свободы на мёртвого дунувши:

"Спи, милый товарищ! Окончилось горе.
Сто лет миновало – мы снега белей.
Но мы, старики, – да и все в Пятигорье, –
Отпразднуем грозами твой юбилей";

И небо грозовым наполнится рокотом,
И гром-агитатор уснувших разбудит.
А время? А смерть? – пропади они пропадом!
Их не было с нами. И нет. И не будет

Творческое задание

В литературе немало героев, которых трудно назвать положительными, но их популярность у читателя бьет все рекорды. Кого из такого типа персонажей вы назвали бы прежде всего (3-5 героев)? В чем секрет привлекательности каждого из них, что, может быть, их объединяет? **Напишите** свой ответ (рекомендуемый объем – 70-120 слов), не забудьте о необходимости доказывать свою мысль ссылками на текст.

При выполнении этого задания придётся продумать, какие именно детали, характеризующие персонажей, наиболее привлекательны для читателя. Для этого необходимо продемонстрировать не только знание текстов, но и понимание психологии читателей. Кроме того, постарайтесь показать умение сопоставлять образы персонажей, выявлять различное и схожее в них, делать на основе наблюдений выводы. Особо значим сам отбор персонажей для анализа – оригинальность и убедительность выбора, глубина и точность сопоставления.